с другой, Ломоносов в своих «Риториках» широко использовал школьные курсы поздневозрожденческой литературной теории — русских догматиков начала XVIII века, иезуитов Н. Каусина и Ф. Помея, действовавших во Франции в XVII столетии. Только Сумароков уже чужд и схоластических, и любых других традиций Возрождения; его отделяет от них не только его дворянское воспитание, отдалившее его и от русской духовной Академии, и от западных университетов, тогда как и те и другие держались еще старозаветных традиций, — но и его более молодой возраст, и все направление его идейных устремлений; он даже не знал классических языков и, видимо, это обстоятельство не смущало его. Но все же и он знал некоторых поэтов Возрождения — от Виллона до связанного с традициями Ренессанса Теофиля де Вио. Да и русских поздних возрожденцев он ценил; так, он восторженно отзывался о прозе Феофана; и сам он написал драму «Пустынник» в старинной манере как бы школьной драмы.

Воздействия «высокого» французского классицизма XVII века проникали в Россию еще с самого начала XVIII века; но система этого стиля во всей его осознанной принципиальности стала входить в сознание русских писателей позднее, — со времени Тредиаковского и Кантемира. И уже с того же времени в России узнают англичан-современников — через французские и немецкие переводы. Нравственные журналы, Адиссон, Поп, Локк проникают к русскому литератору скоро, и к середине века становятся довольно широко известны и охотно переводятся на русский язык. Еще лучше известны уже в 1730—1740-е годы немцы окружения Готшеда, труды и журналы самого Готшеда — благодаря немцам-академикам, ученым и поэтам, живущим в Петербурге, и благодаря постоянным связям между интеллектуальной Германией и Россией. Ломоносов переписывается с Эйлером. Сумароков печатается в журнале Готшеда, в котором помещаются известия о русских писателях; Сумароков избирается членом готшедовского литературного общества («Лейпцигского ученого собрания») и получает об этом диплом за подписью самого Готшеда. Само собой разумеется, что французская литература начала и середины XVIII в. была прекрасно известна русским писателям этого времени.

В своей теоретической разработке основ литературы русские писатели 1730—1750-х годов учитывали и опыт теоретиков западного классицизма, в частности, французского и немецкого. Буало был признан авторитетом, хотя и Ломоносов, и Сумароков считали себя вправе существенно отступать от него и даже решать некоторые вопросы не только иначе, чем он, но и в обратном смысле (например, Сумароков признал законным жанр «бурлескной» комической поэмы, резко осужденной Буало); Тредиаковский перевел «Поэтическое искусство»; Сумароков перевел отрывок трактата